

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ ФРУСТРАЦИИ БАЗИСНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В РАЗВИТИИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

Е.А. Хмелев, В.В. Ветюгов

В статье проведен анализ копинг-стратегии школьного возраста у девочек-подростков с аддиктивным поведением (АП), связанным со злоупотреблением психоактивными веществами (ПАВ). Выявлены различия в характере защитного поведения в стрессовых ситуациях в дошкольном и младшем школьном возрасте между девочками с АП и девочками контрольной группы. На основе анализа копинг-стратегий и соответствующих им бессознательных защит установлена зависимость развития АП от фрустрации базовых психологических потребностей на определенных этапах онтогенеза.

Изменения, происходящие в современной России, затрагивают все основные стороны жизни, следствием чего является предъявление все новых требований к приспособлению и адаптации широких слоев населения. В этих условиях дети и подростки оказываются наиболее незащищенными и уязвимыми в социально-психологической сфере. Не обладая жизненными навыками, не умея выбирать эффективные способы снятия психологического напряжения, они не справляются с многочисленными проблемами, что приводит к дезадаптивному и саморазрушающему поведению. Одним из видов такого поведения является злоупотребление психоактивными веществами (ПАВ). По оценке А.Ю. Егорова [5], употребление ПАВ в наши дни характеризуется новыми и крайне опасными тенденциями, одной из которых является стирание половых различий у подростков. Соотношение мальчиков и девочек составляет менее 3:1 за счет резкого увеличения числа подростков женского пола, употребляющих наркотические вещества.

Если несовершеннолетний начинает злоупотреблять алкоголем или наркотиками, это никогда не бывает случайно [9]. По мнению многих исследователей [А.Э. Березовский [1], С.А. Кулаков [8], Н.Ю. Максимова, Е. Л. Милютина [9], И.А. Сирота, В.М. Ялтонский, И.И. Хажилина 2001 [13]), одним из ведущих факторов в развитии аддиктивного поведения (АП), связанного со злоупотреблением ПАВ, является нарушение адаптации. В состоянии стресса человек реагирует либо автоматическими адаптивными ответными реакциями, либо адаптивными действиями, целенаправленными и потенциально осознанными [3]. В первом случае речь идет о неосознанных поведенческих реакциях или механизмах психологической защиты (МПЗ).

Как первичное звено в развитии психического стресса выступает фрустрация – психическое состояние, которое возникает при блокаде удовлетворения значимых потребностей и проявляется ощущением неудовлетворенности и психического напряжения, возникающего из-за невозможности реализовать те или иные цели [14]. Это может иметь двоякое значение: либо стимулирует ускоренное развитие личностных свойств, то есть переход их на более высокий уровень саморегуляции, что наблюдается в случае продуктивного выхода из ситуации; либо происходит срыв и дезинтеграция психических функций [9].

Защитные механизмы возникают во фрустрирующих ситуациях, закрепляются в психике при повторении сходных ситуаций, актуализируются в них и обеспечивают адаптацию личности [12].

По мнению Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова [4], норма и патология защитного функционирования индивида зависят от того, сумел ли он на определенных этапах онтогенеза реализовать базисные психологические потребности или, благодаря гетерономному воздействию среды, они были блокированы. Согласно структурной теории механизмов защиты Р. Плутчика [20, 21], одним из основополагающих факторов образования МПЗ являются универсальные проблемы адаптации (УПА). Конфликт эмоций, связанных с решением этих проблем, есть то противоречие на уровнях онтогенеза и антропогенеза, которое разрешается благодаря МПЗ. Е.С. Романова и Л.Р. Гребенников [4] сопоставляют УПА с базисными потребностями, при этом потребности в безопасности соответствует адаптационная проблема временности и, соответственно, формирование защит компенсации и реактивного образования, потребности в свободе и автономии – проблема иерархии и защитные механизмы замещения и подавления, в успехе и эффективности – проблема территориальности и защиты групп интеллектуализации и регрессии, потребности в признании и самоопределении – проблема идентичности и защитные механизмы проекции и отрицания. Как реализация базисных потребностей, так и нормативная актуальность соответствующих им защит характерны для определенных возрастных периодов.

Согласно Э. Эриксону в первый год жизни ребенок испытывает потребности в безопасности, аффилиации, симбиозе, во 2–3-й год жизни – в свободе, автономии, отделении, в 4–11-й год – в самостоятельном познании мира, компетентности, информированности, значимости, 12–13-й год – в принятии и самопринятии.

Таким образом, можно предположить, что если в процессе онтогенеза определенные потребности были блокированы, то соответствующие им УПА становятся перманентно актуальными, а специфические механизмы защиты будут использоваться сверхинтенсивно, что может привести в дальнейшем к неэффективной адаптации в период активной социализации.

Для оценки выдвинутого предположения было проведено исследование. В исследовании приняли участие 174 учащихся женского пола от 12 до 18 лет школ и техникумов городов Дзержинска и Н. Новгорода. В ходе анкетирования выделено две группы: 1-я группа – подростки с АП, связанным со злоупотреблением ПАВ, и 2-я группа – контрольная, при этом использовались критерии АП, предложенные А.В. Худяковым (2003) [16].

На предварительном этапе исследования было установлено, что девочкам-подросткам с АП соответствуют более высокие показатели напряженности психологических защит регрессии ($p < 0,001$), замещения ($p < 0,001$) и компенсации ($p = 0,017$). Для определения интенсивности МПЗ использовался опросник Келлермана – Плутчика – Конте. Полученные результаты сравнивались по Т-критерию Стьюдента.

Для исследования особенностей защитного поведения пробандов в более раннем возрасте использовался «Опросник копинг-стратегий школьного возраста» [3], где испытуемым предлагалось вспомнить свое поведение в стрессовой ситуации в 6–10-летнем возрасте и отметить те стратегии, которые они часто использовали в трудных для себя ситуациях (табл. № 1 – «Использование»), а затем из отмеченных выбрать те, которые обычно помогали справиться с напряжением и беспокойством (табл. № 1 – «Эффективность»).

Анализ полученных результатов опирается на ряд работ, и в первую очередь Р.М. Грановской, И.М. Никольской [3], где, рассматривая осознаваемые детьми стратегии совладания с внутренним напряжением и беспокойством, авторы отмечали, что «...каждая из них включает, помимо осознанных, бессознательные защитные механизмы» [3, с. 36]. В отличие от сформировавшейся личности, у которой уже имеются устойчивые адаптивные стратегии, у детей реакции во фрустрирующих ситуациях являются «спонтанными и неорганизованными» [12] и для них характерны «эмоциональные способы борьбы со стрессом» [3]. Другими словами, адаптационная реакция на стресс у детей является более архаичной и более ярко представляющей базовые конфликты.

Таким образом, по предпочтению испытуемыми тех или иных детских стратегий совладания со стрессом мы можем судить о формировании различий между группами в организации подсознательных адаптационных механизмов уже в 6–10 летнем возрасте, а также о роли фрустрации базовых потребностей в развитии АП.

Исходя из вышеизложенного, в анализе для сравниваемых групп копинг-стратегии были рассмотрены в порядке убывания частоты использования и частоты эффективности. Наиболее популярными в обеих группах оказались стратегии, относящиеся к социально одобряемым, наименее – к социально не одобряемым.

Девочки аддиктивной группы достоверно чаще ($p < 0,05^*$) пользовались такими социально не одобряемыми стратегиями преодоления стресса, как «Борюсь или дерусь с кем-нибудь», «Бью, ломаю или швыряю вещи», «Воплю и кричу» и, имеющей близкое к достоверности значение $p = 0,054$, «Дразню кого-нибудь». Не все копинг-стратегии помогли детям в равной степени. На вопрос о том, какие способы действительно помогают снять напряжение и беспокойство (Эффективность), больше всего положительных ответов (более 60%) получили в 1-й группе только 6 стратегий, в то время как во 2-й группе таких стратегий оказалось 13. Обращает на себя внимание более широкий диапазон эффективных копинг-стратегий у контрольной группы. В список наиболее эффективных стратегий 2-й группы вошли и стратегии, определяемые Р.М. Грановской и И.М. Никольской [3] как социально не одобряемые и относимые авторами к наименее эффективным. Возможно, причиной расхождения являются ретроспективность опроса и возрастные особенности опрашиваемых, однако это не может объяснить столь существенных отличий.

Качественный анализ социально одобряемых стратегий дает возможность выявить определенные различия между группами.

Стратегия «Мечтаю, представляю себе что-нибудь» в аддиктивной группе находится между 3-м и 4-м местом, в то время как во 2-й группе – 7-е. Р.М. Грановская и И.М. Никольская [3] относят данную стратегию к подсознательному механизму замещения. Нам кажется правомернее отнести ее к кластеру компенсации, а точнее, к механизму фантазии. Хотя различия не достигают уровня достоверности, тем не менее, расположение ее в иерархии стратегий на одном из первых мест, может говорить о том, что девочки аддиктивной группы предпочитали переводить решение проблем из реального мира в мир утешительных фантазий. Поскольку фантазии могут затрагивать практически все стороны жизни ребенка, то судить о том, какую именно фрустрированную потребность в каждом конкретном случае представляет данная стратегия, не представляется возможным. Однако вне зависимости от содержания она имеет одну постоянную характеристику – безопасность. Даже если фантазия носит ярко

агрессивные черты, она остается внутри ребенка, незаметна для окружающих и не вступает в противоречие с их интересами. Поскольку образование защит группы компенсации соотносятся с адаптационной проблемой временности и соответственно с базовыми потребностями в безопасности и доверии к окружающим, то, следовательно, предпочтение аддитивной группой стратегии «Мечтаю, представляю себе что-нибудь» говорит о фрустрации данной потребности в первые годы жизни.

Таблица 1

Сравнительная таблица частоты использования копинг-стратегий у группы № 1 (подростки с аддитивным поведением, n = 67) и группы № 2 (контрольная группа, n = 84)

Копинг-стратегии	Использование		Эффективность	
	Частота у группы № 1	Частота у группы № 2	Частота у группы № 1	Частота у группы № 2
1. Остаюсь сам по себе, один	47,8	57,1	53,1	50,0
2. Кусаю ногти или ломаю суставы пальцев	26,9	19,0	38,9	12,5
3. Обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное	74,6	75,0	64,0	73,0
4. Плачу и грущу	59,7	58,3	37,5	38,8
5. Мечтаю, представляю себе что-нибудь	59,7	52,4	47,5	68,2
6. Делаю что-нибудь подобное	17,9	11,9	58,3	70,0
7. Гуляю вокруг дома или по улице	43,3	39,3	41,4	57,6
8. Рисую, пишу или читаю что-нибудь	46,3	53,6	35,5	44,4
9. Ем или пью	40,3	35,7	26,6	56,7*
10. Борюсь или дерусь с кем-нибудь	22,4*	9,5	33,3	62,5
11. Схожу с ума	25,4	14,3	11,8	25,0
12. Бью, ломаю или швыряю вещи	41,8*	25,0	42,9	28,6
13. Дразню кого-нибудь	28,4	15,5	26,3	69,2*
14. Играю во что-нибудь	34,3	41,7	39,1	48,6
15. Бегаю или хожу пешком	26,9	23,8	33,3	70,0*
16. Молюсь	14,9	13,1	10,0	54,5*
17. Прошу прощения или говорю правду	40,3	27,4	59,3	60,9
18. Сплю	34,3	36,9	60,9	83,9
19. Говорю сам с собой	41,8	39,3	64,3	45,5
20. Говорю с кем-нибудь	46,3	46,4	74,2	74,4
21. Думаю об этом	56,7	58,3	18,4	20,4
22. Стараюсь забыть	55,2	46,4	59,5	56,4
23. Стараюсь расслабиться, оставаться спокойным	41,8	46,4	50,0	61,5
24. Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде	32,8	32,1	72,7	63,0
25. Смотрю телевизор, слушаю музыку	71,6	77,4	66,7	75,4
26. Воплю и кричу	31,3*	16,7	28,6	64,3*

Примечание: * – $p < 0,05$.

Несмотря на большую популярность данной стратегии среди девочек 1-й группы, для них она оказалась стратегией со средней мерой эффективности, в то время как во 2-й группе с высокой мерой эффективности (более 60%) . В мечтах

дети представляют себя сильными, умными, любимыми и т.д., т.е. создают образ идеального «Я». По мнению В.С. Мухиной, «пережив в своем воображении добрые или агрессивные побуждения, ребенок тем самым может осознать и уточнить для себя мотивацию своих будущих поступков» [11, с. 456]. При наличии базового недоверия к миру разрешение конфликта на реальном уровне, вероятно, затрудняется с каждым последующим этапом развития и приводит к все большему отрыву «Я-идеального» от «Я-реального». Со временем образ «Я-идеального» становится недостижимым, а следовательно, вместо позитивного эффекта данная стратегия может, наоборот, усугублять фрустрацию. По мнению А.В. Худякова [17], дисгармоничное соотношение самооенок изначально характерно для лиц, злоупотребляющих ПАВ, а злоупотребление ПАВ способствует еще большему нарушению самооценки.

Стратегия «Прошу прощения, говорю правду» находится в иерархии 1-й группы между 14-м и 15-м местом и ее использовали 40,3%, в то время как во 2-й группе данная стратегия занимала 17-е место и ею пользовались только 27,4% девочек этой группы. Учитывая то, что девочки 1-й группы достоверно чаще использовали социально не одобряемые стратегии, то вполне естественно предположить, что им чаще приходилось просить прощения. Следует учитывать, что в отличие от взрослого мира, где чувство вины связано с идентичностью, у детей оно связано со страхом наказания и страхом потери любви субъекта, от которого зависит безопасность существования, т.е. в большей мере соотносится с базовой потребностью в безопасности. При более частом, по сравнению со 2-й группой, использовании эффективность данной стратегии для обеих групп была примерно одинакова, а следовательно, девочки 1-й группы чаще или не получали прощения или получали его в неконгруэнтной форме. Сам факт признания в совершенном проступке предполагает, что ребенок в какой-то степени осознает, что совершил что-то нехорошее или был неумел и неуспешен. Формальное прощение или отсутствие его подтверждает осознание этой собственной неполноценности. Данная ситуация затрагивает базовую потребность в успехе, эффективности и значимости и соответственно адаптационную проблему территориальности, связанную с процессами контроля и потери контроля. Признаваясь в своем проступке, ребенок, вероятно, заранее ожидает и предполагает, что его простят. Если этого не происходит, то он может ощущать, что мир неконтролируем и не поддается прогнозу. Боязнь разочарования в этой ситуации актуализирует защитные механизмы группы интеллектуализации, предназначенные для сдерживания эмоций ожидания и контроля [4], что в дальнейшем может заставить ребенка скрывать свои проступки («Все равно не простят»), лгать, оправдываться или на формальное прощение в дальнейшем формально просить о прощении, отчуждая свои эмоции. В таком случае вполне вероятно, что ребенок с еще большей интенсивностью будет использовать социально не одобряемые стратегии. Р.М. Грановская и И.М. Никольская [3], подчеркивая важность стратегии «Прошу прощения, говорю правду», указывают на то, что эта стратегия предполагает необходимость неформального социального взаимодействия с ребенком. Ребенку необходимо чувствовать, что, несмотря на проступок, для значимого для него лица он остается любимым, хорошим и заслуживающим внимания.

Стратегии «Говорю сам с собой» среди девочек 1-й группы по эффективности стоит на 4 месте, в то время как у девочек 2-й группы занимает 20-е место. Это подтверждает наше предположение о том, что у девочек аддиктивной группы фрустрирована потребность в безопасности и аффилиации и что они испытывают

дефицит значимых контактов, что обусловлено базовым недоверием к миру. Для того чтобы посвятить кого-то при общении в свою проблему, нужно испытывать определенное чувство безопасности и доверие к собеседнику, если этих ощущений нет, то самое безопасное – это поговорить самим с собой. Стратегия «Молюсь» содержит элементы исповеди и предполагает разговор не с реальным, а воображаемым собеседником. Беседа с Богом не содержит неприятных неожиданностей, как и беседа с собой, и более безопасна, чем разговор с реальным человеком («Прошу прощения, говорю правду», «Говорю с кем-нибудь»). По эффективности этой стратегии обнаружены достоверные различия. При одинаковой частоте использования в 1-й группе она занимает последнее место по эффективности, в то время как во 2-й группе относится к среднеэффективным.

По мнению К. Юнга, с имаго родителей ассоциируются теистические представления, и «архетипическая форма божественной пары прежде всего перелицовывает и ассимилирует образ настоящих родителей» [19, с. 314]. Поэтому если потребность в безопасности в первый год жизни не была обеспечена в достаточном объеме, то при обращении за помощью к Богу получение ощущения защиты становится проблематичным.

Стратегия «Ем или пью» для детей 2-й группы при одинаковой частоте использования оказалась значительно эффективнее в преодолении стресса ($p < 0,05^*$). Побочным продуктом чувства физического насыщения, вызванного утолением голода, полового влечения, сном и т.п., является ощущение благополучия, здоровья, энергии, эйфории, физического довольства [10]. Эффективность относящейся к базовым физиологическим потребностям стратегии «Сплю» в первой группе на уровне тенденции также ниже, чем во второй группе. А.Е. Захаров [6] анализируя развитие детей, больных неврозами, указывает на то, что матери таких детей достоверно чаще испытывали стресс в первый год жизни ребенка и что грудной ребенок легко перенимает беспокойство матери, отвечая срыгиванием, криком, беспокойным сном и сниженным аппетитом. Можно предположить, что дети аддиктивной группы, возможно из-за стресса матери, не испытывали на первом году жизни при насыщении чувства безопасности и защищенности, а значит, и в последующем в стрессовой ситуации еда или питье не могли принести им успокоения. Невозможность получения естественным способом удовлетворения от этой физиологической потребности может являться причиной поиска суррогатного заменителя, который бы неотвратимо создавал хотя бы иллюзию удовлетворения потребности в безопасности и аффилиации.

Стратегии «Гуляю вокруг дома или по улице», «Бегаю или хожу пешком», «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде» можно объединить в одну группу, поскольку все они связаны с проявлением физической активности. В основе этих стратегий лежит механизм защиты «двигательная активность», входящей в кластер регрессии. Двигательная активность – понижение беспокойства, вызванного запретным побуждением, путем разрешения его прямого или косвенного выражения без развития чувства вины и предполагает произвольные иррелевантные действия для снятия напряжения [4]. Отличие между этими стратегиями содержится в различной степени проявления этой активности. Можно предположить, что при использовании стратегии «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде» физическая активность проявляется в наибольшей степени, в случае «Гуляю вокруг дома или по улице» в наименьшей. Все три

стратегии имели одинаковую частоту использования в обеих группах. Стратегия «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде», которая требует максимального проявления физической активности, по эффективности в аддиктивной группе занимает 2-е место, в контрольной – 10-е, в то время как стратегия со средней мерой проявления физической активности «Бегаю или хожу пешком» оказалась значительно эффективнее ($p < 0,05^*$) для девочек контрольной группы. Отсюда можно сделать вывод, что для снятия напряжения девочкам аддиктивной группы нужно приложить физические усилия большей интенсивности, чем девочкам контрольной группы. Согласно О. Фенихелю [15] жизнь младенца – это чередование беспокоящих стимулов и сна. Голод и другие стимулы вызывают состояние напряжения и тем самым стремление избавиться от напряжения. Состояние напряжения при беспокоящих стимулах у младенцев проявляется моторной активностью. Чем дольше воздействие этих стимулов, тем продолжительней и интенсивней состояние напряжения. Можно предположить, что при постоянной фрустрации первичных потребностей младенца в дальнейшем релаксация будет возможна только после интенсивного и длительного моторного напряжения. Таким образом, высокий рейтинг эффективности стратегии «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде» у девочек с АП можно объяснить фрустрацией физиологических потребностей в младенческом возрасте, т.е. базисной потребности в безопасности. Кроме того, такую повышенную двигательную активность можно расценивать как гиперактивность, являющуюся симптомом легкой дисфункции мозга [2].

Стратегия «Играю во что-нибудь» во 2-й группе занимает 11-е место по частоте использования, в 1-й же группе она находится между 16-м и 17-м местом.

Значение этой стратегии многофункционально – это и удовольствие от игры, и развитие интеллекта, и подготовительные упражнения к деятельности взрослых. Кроме того, присутствующий в игре перенос значений и идентификация позволяют ребенку путем многократного повторения ситуации травмы овладеть теми невыносимыми переживаниями, которые несут с собой эти травмы. Игровой ситуацией, в отличие от жизненной, ребенок может управлять, что позволяет ему самоутвердиться. Часто игра связана с проявлением самых разных качеств: от силы и ловкости до креативности и коммуникабельности. Для 1-й группы, очевидно, проявление подобных качеств представляет определенную трудность. Следует отметить, что при фрустрированных потребностях в самостоятельности, компетентности, значимости игра принимает большое значение в преодолении возрастных кризисов.

Девочки аддиктивной группы достоверно чаще использовали социально не одобряемые стратегии.

Стратегии «Кусаю ногти или ломаю суставы пальцев» и «Бью, ломаю или швыряю вещи» чаще использовались детьми 1-й группы и были для них стратегиями со средней мерой эффективности, в то время как для детей 2-й группы стратегиями с низкой эффективностью. Обе стратегии – яркий пример функционирования подсознательной защиты «замещение». Замещение развивается для сдерживания эмоций гнева на более сильного или старшего субъекта, выступающего как фрустратор, во избежание ответной агрессии или отвержения. Индивид снимает напряжение, обращая гнев и агрессию на более слабый одушевленный или неодушевленный объект или на самого себя. У злоупотребляющих этой защитой могут развиваться такие формы девиации поведения, как агрессивность, неуправляемость, склонность к деструктивным и

насильственным действиям, жестокость, аморальность, бродяжничество, промискуитет, проституция, часто хронический алкоголизм, самоповреждения и суициды [4]. Механизм защиты «замещение» связан с проблемой иерархии. Интенсивное функционирование этой защиты говорит о фрустрированной в 2–3-летнем возрасте базовой потребности в свободе и автономии. Ненормативное использование этих стратегий, причем с позитивным результатом для себя, может говорить не просто о фрустрированных потребностях, а как бы о застревании в этом возрастном кризисе.

«Воплю и кричу» – может быть проявлением аффективной составляющей механизма защиты замещения, а также заявлением протеста и призыва о помощи. Частое использование ($p < 0,05^*$) этой стратегии аддиктивной группой означает то, что проблема автономии и свободы не решена, а призыв о помощи в свое время не был услышан.

Как уже упоминалось, социально не одобряемые стратегии, за исключением «Кусаю ногти или ломаю суставы пальцев» и «Бью, ломаю или швыряю вещи», оказались для девочек 2-й группы стратегиями с высокой мерой эффективности.

В 1-й группе стратегии «Дразню кого-нибудь» и «Воплю и кричу» оказались малоэффективными, а «Борюсь или дерусь с кем-нибудь» и «Делаю что-то подобное» – среднеэффективными. Во 2-й группе все перечисленные стратегии, несмотря на меньшую их популярность, чем в 1-й группе, были стратегиями с высокой мерой эффективности.

В основе перечисленных стратегий лежит механизм замещения. Открытое проявление гнева и агрессии, безусловно, неприемлемо, однако оно не всегда обращено на более слабый объект. В случае «Делаю что-то подобное» действие конкретно адресовано фрустрирующему объекту: вас отвергают – вы отвергаете, вас дразнят – вы дразните, вас ударили – вы ударили и т.д. Все эти действия направлены на сохранение самоуважения. Это как бы зеркальное отражение исходящих от соперника негативных чувств, слов, действий, опасных для позитивного «Я» ребенка, что связано, очевидно, с процессами контроля и потери контроля, т.е. адаптационной проблемой территориальности. Стратегия «Борюсь или дерусь с кем-нибудь» тоже часто связана с противостоянием с равным по статусу объектом. При победе субъект или подчеркивает или повышает свой статус, что позитивно отражается на его самоуважении и дает положительные эмоции. При применении стратегии «Дразню кого-нибудь» ситуация несколько иная – вербальная агрессия чаще направлена на более слабый объект, который можно дразнить безнаказанно, но она может быть направлена и на фрустрирующий объект, и в этом случае субъект сознает, что для полноценного соперничества сил или возможностей у него недостаточно. Субъект в определенной степени рискует – в любой момент он может спровоцировать объект на физическую агрессию. Чтобы этого не произошло, он вынужден приложить немало способностей, чтобы удержать контроль над ситуацией. Если объект по тем или иным причинам отступил, то это стратегическая победа, победа малыми силами и, по всей вероятности, детьми 2-й группы ценилась выше ($p < 0,05^*$), чем успешный исход физической агрессии.

Как уже упоминалось, эти стратегии тесно связаны с адаптационной проблемой территориальности, актуальной в возрасте 6–11 лет, т.е. эффективное применение их 2-й группой соответствует исследуемому возрасту. Своевременное и успешное решение проблемы территориальности благоприятствует решению следующей адаптационной проблемы – обретению идентичности. Поэтому как бы

ни относились взрослые к агрессивным проявлениям при соперничестве, но для данного возраста это норма, и при социализации ребенка это нужно учитывать. Излишне жесткое подавление применения подобных стратегий совладания, что вероятно имело место в 1-й группе, скорее сформирует неуверенность в себе и зависимость, чем сострадание и эмпатию, столь ценимые взрослыми. По данным Е.В. Чумаковой [18], излишняя строгость матерей ведет к усилению частоты использования и интенсивности механизма защиты «замещение», а следовательно, увеличивает частоту использования стратегий, подобных «Бью, ломаю или швыряю вещи», «Кусаю ногти или ломаю суставы пальцев», «Дразню кого-нибудь», «Воплю и кричу», «Борюсь или дерусь с кем-нибудь» и «Делаю что-то подобное».

Обобщая вышесказанное, можно сделать выводы:

1. Девочки аддиктивной группы достоверно чаще использовали социально не одобряемые стратегии совладания со стрессом, в основе которых лежит подсознательный механизм защиты «замещение».

2. У девочек-подростков аддиктивной группы фрустрирована базисная потребность первого года жизни – потребность в безопасности и аффилиации.

3. Фрустрация потребности в безопасности блокирует реализацию базисных потребностей следующих этапов развития, и в первую очередь потребности в свободе и автономии.

4. Фрустрация базисных потребностей в безопасности и аффилиации, свободе и автономии, успехе и эффективности приводит к тому, что в период кризиса идентичности у девочек аддиктивной группы все предыдущие адаптационные проблемы перманентно актуальны, что ведет к ненормативному функционированию соответствующих МПЗ (компенсация, замещение, регрессия). Это, в свою очередь, приводит к нарушению адаптации при активной социализации подростка и развитию АП как псевдоадаптивного способа реализации базисных потребностей.

Л и т е р а т у р а

1. Березовский А.Э. Некоторые социально-психологические особенности аддиктивного поведения. // Проблемы профилактики негативных зависимостей среди молодежи: Сборник материалов конференции. – Самара: Изд-во «Самарский университет». – 2001. – С. 42–48.

2. Брызгунов И.П. «Ваш ребенок сверхподвижен». Психология детей с отклонениями и нарушениями психического развития / Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2002. – С. 292–302.

3. Грановская Р.М., Никольская И.М. Психологическая защита у детей – СПб.: Речь, 2001. – 507 с.

4. Гребенников Л.Р., Романова Е.С. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. – Мытищи, изд-во «Талант», 1996. – 144 с.

5. Егоров А.Ю., Дрейзен А.А. Выявление злоупотребления психоактивными веществами среди детей и подростков. – Калининград: Изд-во КГУ, 2005. – 156 с.

6. Захаров А.Е. Психология детей с отклонениями и нарушениями психического развития / Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2002. – С. 93–129.

7. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Учебное пособие для вузов. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. – 160 с.

8. Кулаков С.А. Диагностика и психотерапия аддиктивного поведения у подростков: Учебно-метод. пособие. – М., СПб.: Фолиум, 1998. – 70 с.
9. Максимова Н. Ю., Милютин Е. Л. Курс лекций по детской патопсихологии: учебное пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 576 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. С. 77–105.
11. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – 4-е изд. – М.: «Академия», 1998. – 456 с.
12. Налчаджан А.А. Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии). – Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1988. – 262 с.
13. Сирота И.А., Ялтонский В.М., Хажилина И.И., Видерман Н.С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике. – М.: Генезис, 2001. – 216 с.
14. Соколова Е.Д., Березин Ф.Б., Барлас Т.В. Эмоциональный стресс: психологические механизмы, клинические проявления, психотерапия // *MateriaMedica*. 1996. № 1(9). С. 5–25.
15. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. – М.: Академический Проект, 2004. – 848 с.
16. Худяков А.В. О дефиниции аддиктивного поведения несовершеннолетних // Профилактика злоупотребления психоактивными веществами детьми и молодежью: Сб. тез. Всеросс. конф. – М., 2003. – С. 110–111.
17. Худяков А.В. Клинические и социально-психологические основы профилактики зависимости от психоактивных веществ у несовершеннолетних. – Иваново, – 2005. – 190 с.
18. Чумакова Е.В. Психологическая защита личности в системе детско-родительских отношений. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук: 19.00.11. СПб. госуниверситет, 1998., 174 с.
19. Юнг К.Г. Аналитическая психология и психотерапия. – СПб.: Питер, 2001. – С. 314, 320.
20. Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. A structural theory of ego defenses and emotions / In C.E. Izard (Ed.) *Emotions in personality and psychopathology*. N.Y., Plenum, 1979.
21. Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotions / In R. Plutchik, H. Kellerman (Eds.), *Emotion: Theory, research and experience: Vol. 1*. N. Y., Academic Press. – 1980. – P. 3–33.A., 1980.

In this article we try to analyze a coping-strategy of schoolgirls with addictions, which connect to abuse psychoactive substance. We reveal differences in character behavior of defend in stress, which happen in childhood between girls with addicts and test-group girls. Analyzed a CS and correspondence it consciouless defends, we establish dependence of development on frustration of basic psychological requirements in certain stages of development.